

Ограничения на доступ к высшему образованию для евреев в СССР: возможности изучения на основе мемуаров и автобиографий

Валерия Михайловна Малик

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)

Аспирант, ORCID ID: 0000-0001-9546-7815, ведущий эксперт, Институт образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, 20 Мясницкая ул., 101000, тел. +7 (495) 772 95 90, E-mail: vmalik@hse.ru

DOI: 10.31168/2658-3380.2018.18.3.7

Аннотация: Еврейское население в СССР во второй половине XX в., с одной стороны, характеризовалось самым высоким и растущим уровнем образования, высокой долей работников умственного труда, а с другой, как свидетельствуют мемуары, — сталкивалось с дискриминационными барьерами при поступлении в вузы, построении карьеры, доступе к определенным областям деятельности. Молодые люди и их семьи, столкнувшись с дискриминацией при поступлении в вузы, вынуждены были принимать новые образовательные решения, искать возможности для построения образовательной траектории. Данные статистики не в полной мере отражают картину, так как уровень образования еврейского населения продолжал расти. Поэтому мы обращаемся к опубликованным мемуарам и в представленной статье рассматриваем, как можно использовать материалы мемуаров и автобиографий для изучения того, каким был опыт столкновения с дискриминационными барьерами, какие ресурсы использовались семьями для преодоления этой дискриминации.

Исследование на данном этапе носит пилотный характер, оно направлено на выявление возможностей и ограничений подхода. Материалом для него являются мемуары, опубликованные на интернет-портале «Заметки по еврейской истории» (Заметки по еврейской истории: [сайт] <http://berkovich-zametki.com>). В результате

анализа этих мемуаров мы формулируем следующие выводы и гипотезы. Во-первых, мемуары содержат описания успешного преодоления ситуаций дискриминации, тогда как неуспешный для авторов опыт столкновения с дискриминацией с большой вероятностью не будет включен в мемуары. Во-вторых, можно выделить условные «жанры», в которых построены изученные нами описания жизни: это «пробуждение еврейского самосознания» и «борьба с дискриминацией»; опыт столкновения с дискриминацией описывается авторами мемуаров в соответствии с этими «жанрами».

Рассматривая ресурсы для преодоления дискриминации в традиции теории капитала П. Бурдьё, мы делаем вывод о том, что важно было не только наличие социального и культурного капитала семьи, но и готовность его использовать, активно действовать для преодоления дискриминационных барьеров. Вопрос о том, чем определялась готовность использовать социальный капитал, требует дальнейшего изучения.

Мы показываем также, что при использовании мемуаров для изучения барьеров доступа к высшему образованию сложно отделить эпизоды поступления в вуз от остальной траектории, так как дискриминация имела место и после окончания вуза, например, в процессе распределения. Изученные материалы скорее содержат богатую информацию для понимания восприятия ситуации, но не являются надежным источником для изучения ресурсов семьи, которые были задействованы для преодоления дискриминации.

Ключевые слова: *евреи, СССР, образование*

В Российской империи, где в 1897 г. проживало 5,2 млн евреев, существовали официальные ограничения на прием в высшие учебные заведения для евреев (процентная норма), а в некоторые университеты доступ был закрыт полностью. Ограничения по национальному признаку и по признаку вероисповедания отменены Временным правительством в 1917 г. [Сафонов, Наумов 2013, 41]. В последующий период происходил существенный рост уровня образования еврейского населения, то есть отмечается высокая вертикальная социальная мобильность, связанная со снятием запретов,

стремительной урбанизацией, процессами смены элит. Ситуация изменилась во второй половине XX в., когда в результате борьбы с космополитизмом, создания Государства Израиль и ухудшений отношений СССР с ним к евреям применялись ограничения на доступ в вузы, на продолжение обучения в аспирантуре, на доступ к определенным должностям и сферам деятельности. Барьеры эти не были законодательно закреплены, и масштабы явления (география, вузы, специальности) еще предстоит изучить.

Данные официальной статистики говорят о том, что в 1950–1980-е гг. евреи были этнической группой с самым высоким уровнем образования. Так, согласно данным переписи 1959 г., доля людей с высшим образованием среди работоспособного еврейского населения превышала приблизительно в шесть раз аналогичную долю среди населения в целом (29,5% и 4,7%) (см. Таблицу 1). Темпы роста среди населения в целом были выше, но среди еврейского населения этот показатель по-прежнему превышал средние. Следует иметь в виду, что эти цифры не учитывают разный уровень урбанизации еврейского и нееврейского населения. Тем не менее данные на макроуровне не свидетельствуют о дискриминации в доступе к высшему образованию в целом.

Таблица 1. Уровень образования еврейского населения и всего населения в целом в возрасте от 20 до 59 лет, %

	Высшее образование		Среднее специальное образование	
	Еврейское население	Все население	Еврейское население	Все население
1959	29,5	4,7	14,5	6,7
1970	38,3	8,3	18,6	10,3
1979	47,5	11,9	20,7	15,4
1989	52,4	15,9	24,5	22,8

Источник: данные переписи приводятся по работе [Константинов 2000, 71]

В Таблице 1 также приводятся данные о распространении среднего специального образования. Оно было существенно больше среди работоспособного еврейского населения в 1959 г.: 14,5% в сравнении с 6,7% среди населения в целом. Однако к 1989 г. уровень охвата еврейского населения средним специальным образованием уже не столь сильно отличался от соответствующего показателя по населению в целом. Сравнение долей имеющих среднее специальное образование и высшее образование среди еврейского населения показывает, что высшее образование было распространено значительно шире и по сути являлось социальной нормой среди еврейского населения.

Данные о доле евреев среди студентов, работников определенных сфер занятости или занимающих определенные должности не всегда позволяют ясно выделить последствия дискриминации. Например, Майкл Пол Сакс приходит к выводу, что данные о профессиональном статусе не показывают наличие дискриминации при назначении на позиции высокого уровня, в связи с категориями (слишком крупными), по которым собиралась информация в переписи [Sacks 1998, 264].

В то же время есть масса свидетельств об ограничениях для евреев в образовании и при построении дальнейшей профессиональной траектории. Особенно широкую известность получила ситуация, сложившаяся на механико-математическом факультете МГУ. Опубликованы статьи, интервью, мемуары, описывающие практики, распространенные на вступительных испытаниях в МГУ для того, чтобы отсеять «нежелательных» абитуриентов. Например, составлялись специальные задачи («гробы»), которые были очень трудны для решения, хотя само решение имело весьма простой вид (на случай проверки или апелляции), экзамены проводились в разных комнатах в зависимости от национальности, абитуриентов-евреев спрашивали более строго. Описано также негативное влияние, которое практики оказали на уровень преподавания, студентов и в целом обстановку на факультете (см., например: [Shen 1994]). Однако мы меньше знаем о других (в том числе менее престижных) вузах, других специальностях и городах, хотя свидетельства о столкновении

с барьерами при поступлении в вузы и на работу при этом присутствуют в источниках личного характера, воспоминаниях, мемуарах, биографических интервью, собранных в рамках исследовательских проектов (см., например: [Shternshis 2017]).

Описания личного опыта случаев дискриминации по национальному признаку в советское время продолжают появляться. Например, в заметке профессора математики Калифорнийского университета Эдуарда Френкеля описывается его опыт сдачи вступительных экзаменов на мехмат, особый подход экзаменаторов (из-за его национальности) и совет поступать в Институт нефти и газа имени И.М. Губкина, куда берут «таких, как он» [Френкель 2012].

Несмотря на появление все новых свидетельств, наши знания о том, насколько распространены были дискриминационные барьеры¹ при поступлении в вузы, как абитуриенты и их семьи справлялись с такими ситуациями и как эти барьеры определяли последующую образовательно-профессиональную траекторию, ограничены. Мы обратились к доступным в интернете мемуарам, чтобы провести пилотное исследование и прояснить, какие возможности дает изучение биографий и мемуаров для анализа того, как складывались образовательные и профессиональные траектории при столкновении с дискриминационными барьерами, какие ресурсы использовались семьями².

---

¹ Понятие барьеров доступа к образованию мы используем для описания практики реализации дискриминационных ограничений на поступление в вузы или на определенные факультеты.

² При описании стратегий семей мы будем использовать понятие капитала: экономического, культурного, социального. *Экономический капитал* — это все экономические ресурсы (доходы, собственность). *Культурный капитал* — все культурные ресурсы, которые могут быть использованы агентом, он может быть в инкорпорированном виде (заклучен в самом человеке), когда он приобретает в процессе социализации и обучения, а также в объективированном виде (например, в виде книг, картин) и в институционализированном виде (в виде академических квалификаций). *Социальный капитал* — это ресурсы, которые доступны агентам в связи с их

Для анализа мемуаров мы обратились к сетевому portalу «Заметки по еврейской истории», редактором которого является Евгений Беркович (Германия) [Заметки по еврейской истории]³.

Для первого этапа анализа мы выбрали автобиографические заметки трех авторов, во всех этих автобиографиях упоминается опыт дискриминации в вузе и на работе в связи с еврейским происхождением. Авторы — из одной возрастной когорты, из разных университетов и регионов СССР⁴. Ниже мы приводим некоторые цитаты из автобиографий, иллюстрирующие эпизоды дискриминации при построении образовательных и профессиональных траекторий, описание того, как удавалось или не удавалось справиться с дискриминационными барьерами.

Кейс 1. Александр Воронель (Харьковский университет). Известный ученый физик, диссидент, опубликовал несколько глав воспоминаний о разных эпизодах своей жизни. Вот как он описывает свое поступление в университет в 1950 г.:

принадлежностью к определенной группе: чем больше сеть связей и больше объем капитала тех, кто в ней находится, тем потенциально большие ресурсы доступны (Бурдые 2004). Понятия социального, культурного капитала нужны для описания использования ресурсов семьи в ситуации столкновения с барьерами. Например, понятие социального капитала понадобится при рассмотрении того, как семьи использовали «связи» (или, напротив, не использовали) при столкновении с проблемами доступа к образованию детей.

³ Портал публикует различные заметки по еврейской истории, культуре, об антисемитизме и пр. В разделе «Мемуары» этого сайта — тексты 35 авторов, 26 из них мужчины и 9 — женщины. Большая часть авторов — люди 1920–1930-х гг. рождения, но есть и рожденные в 1940–1950-е гг. В основном мемуары написаны на русском языке, хотя есть небольшое количество переводов на русский. Авторы преимущественно живут в Израиле или США.

⁴ Мы не запрашивали у авторов согласия на работу с текстами их воспоминаний, поскольку мемуары опубликованы в открытом доступе. В работе мы приводим имена и фамилии, а также все названия в том виде, в каком они встречаются в текстах.

В университет меня приняли по благу. Вплоть до самого окончания я каждый день ожидал, что отдел кадров еще опомнится и меня выгонят. После того, как меня последовательно не приняли в университеты Московский, Ленинградский, Киевский, мама позвонила своему харьковскому другу детства проф. Берестецкому, а он позвонил своему другу проф. Ахиезеру, а тот обратился к декану физического факультета проф. Мильнеру. Абрам Соломонович Мильнер без малейшего колебания сказал: «Для сына Фанечки Штраймиш я, конечно, сделаю все возможное!»⁵

Этот отрывок позволяет рассматривать решение проблемы с поступлением с помощью использования связей, то есть социального капитала семьи. Интересно, что в другом отрывке такой же эпизод мы можем трактовать как результат собственной агентности (активной деятельности) и использование структурной возможности:

Я обошел много университетов, прежде чем нашел университет со знакомством. Это знакомство, а также сильный недобор дали мне возможность поступить в Харьковский университет. Шел 1950 год. Стране нужны были физики. В физике уже работало так много евреев, что небольшое увеличение этого количества отчасти допускалось.

Читая заметки дальше, мы узнаем, что автор в 14 лет был участником подпольного политического кружка и пробыл 4,5 месяца в колонии для несовершеннолетних. В следующем отрывке рассказывается о том, что этот биографический факт представлял собой более серьезный барьер для получения образования и был скрыт автором. Интересно, что «пятый пункт» в этом контексте рассматривается как ресурс:

Почти непреодолимым препятствием для меня, помимо общих сложностей, была моя бурная биография. Тут я (не в первый раз!) возблагодарил судьбу за еврейское происхождение. Кадровики приходили в такое раздражение от пятой графы в анкете,

---

⁵ Здесь и далее цитируются мемуары с сайта «Заметки по еврейской истории», интернет-ссылки на конкретные тексты приведены в конце статьи в списке источников.

что мелкие неувязки, получившиеся в моей биографии от исключения основных ее событий, совершенно не останавливали их внимания. Правильно говорила бабушка Дора, что мне повезло рано попасть в тюрьму: «В этой стране, чем раньше он получит эту прививку, тем лучше». Кадровикам и в голову не приходило, что «преступная биография» может начинаться так рано.

В мемуарах есть также рассказы о последующих притеснениях на рабочем месте (в научно-исследовательском институте), автор называет их «травлей». Дружба с диссидентами Даниэлем и Синявским описывается как одна из причин притеснений на работе, а национальная принадлежность — и как причина притеснения, и как социальный капитал:

Преследования, по советским масштабам первоначально не страшные, начались (насколько я могу судить) не по указке вышестоящих организаций, а по местной инициативе...

Дирекция и партбюро в ответ начали меня демонстративно притеснять, чтобы никто не подумал, что они лишены политической бдительности. Меня понизили в должности. Мне урезали бюджет. Но выгнать меня они так и не решились...

В разгар одной из таких неприятностей ко мне неожиданно позвонил заместитель директора по адм.-хозяйственной части и хриплым от пьянства голосом произнес: «Воронель! У института не хватает закрыть годовой бюджет. Ты там пошуруй среди своих евреев, продай им что-нибудь. Тебе ведь ничего не стоит. Четверть миллиона всего».

Следующие части мемуаров описывают путь в диссиденты и эмиграцию автора. Поворотный момент, когда было принято решение об эмиграции, описывается автором через эпизод, связанный с похоронами, и авторское решение мы видим через метафору символической смерти и рождения нового человека:

Молоденькая сотрудница все допытывалась у меня, каковы еврейские погребальные обряды, а я со злостью, которая относилась не к ней, сказал, что не знаю; что нас учили, будто все люди — братья. А единственный, кто знал, — умер. И не рассказал нам, потому что мы не спрашивали. После этого я заболел.

Ничего особенного со мной не произошло, но около месяца я не хотел вставать с постели и ничего странного в этом не видел. Когда я встал, я был уже другим человеком. Я знал, что не буду больше жить в этой стране, и так как тогда, в 1970 году, это могло значить что угодно, я решил попрощаться с миром и подвести итог...

Последняя цитата не иллюстрирует ситуации ограничений, притеснений, связанных с еврейским происхождением. Мы приводим ее с целью показать, в рамках какого контекста автором осмыслен опыт дискриминации. В целом эти мемуары пронизаны темами еврейства, отторжения советской действительности, прихода к новой идентичности. Следующий кейс еще в большей степени строится вокруг этнической идентичности.

Кейс 2. Борис Замиховский (Одесский строительный институт). Автор опубликовал свои заметки под названием «Как меня "клянул жареный петух", или история пробуждения национального сознания у одного из живших в рассеянии». Как следует из названия, весь рассказ построен вокруг этнической идентичности. Начинается он с детства, когда после Одессы автор попадает в Свердловск и осознает, что отличается от местных:

О том, что я не такой как все, что я еврей, я узнал достаточно рано. Это мне объяснили перед эвакуацией. Мне было 3,5 года. Мы эвакуировались из Одессы на Урал, в город Свердловск, ныне Екатеринбург, где вокруг нас жили только русские. Мне родители объяснили, что о моем еврействе просто не надо говорить — пусть это будет моя тайна...

Этот отрывок не имеет непосредственного отношения к ограничениям на доступ к образованию, он приведен для иллюстрации того, что построены мемуары вокруг осознания своего еврейства, своей инаковости. Как бытовой антисемитизм, так и барьеры в сфере образования служат одной из основ осознания себя как еврея:

К окончанию школы я уже знал, что евреев снова «режут» на вступительных экзаменах, что несколькими еврейским парням в моей школе не дали медали. Но я знал, что многие еврейские мальчишки поступили в институты. Достаточно долго мое сознание качалось на качелях: «есть антисемитизм», «нет полного антисемитизма»...

Да, я столкнулся с давлением на вступительных экзаменах: мне поставили «тройки», где я полагал, что ответил, как минимум, на «четверку», но меня не «завалили». Я не нашел свою фамилию в списке принятых, но мне повезло — меня приняли на вновь открытое вечернее отделение Одесского строительного института. Да, я подвергался антисемитским унижениям, работая в качестве строительного разнорабочего и плотника, но начальник службы был еврей и относился ко мне хорошо. Он не был виноват, что меня перевели в другую службу...

В описании дальнейшего профессионального пути автор постоянно упоминает о трудностях, связанных с «пятой графой».

Да, мне трудно было найти работу после окончания института, но мне помогли устроиться в самый большой и престижный проектный институт строительного профиля в городе и успешно в нём работать. Моя фотография два года висела на доске почёта института... Меня вслед за старшим братом потянуло в науку. Казалось, что реализуя свои способности, я смогу вести научную работу, сделаю диссертацию, стану кандидатом технических наук и одновременно решу проблему своего материального обеспечения. (Наивные, глупые размышления).

Следующий кейс, который мы рассмотрим, описывает успешную образовательно-профессиональную траекторию.

Кейс 3. Михаил Цаленко (МГУ). Кандидат физико-математических наук, доктор технических наук, профессор, также опубликовал заметки о своей биографии. Интересно, что автор впервые сталкивается с барьерами, связанными с этничностью, только после защиты кандидатской диссертации в 1964 г. в МГУ:

Однако сразу же после защиты произошла первая непредсказуемая перестройка моей жизни, и я перестал быть баловнем судьбы. Через несколько дней мой научный руководитель профессор Олег Николаевич Головин, большой любитель поэзии и музыки, сказал мне: «Миша, Вам надо искать место работы. Партбюро факультета четыре часа рассматривало заявку кафедры на Ваше оставление в университете и в конце концов ее подержало, но места Вам не дадут». Я не стал задавать лишних вопросов, поскольку мы оба знали, что еврею почти невозможно остаться на педагогической работе в МГУ. Нужна была чрезвычайно высокая протекция, а ее у меня не было.

Эпизоды противостояния дискриминации, которые перечисляет автор, включают поиск работы, позволяющей заниматься наукой после защиты кандидатской диссертации, многолетняя борьба за защиту докторской диссертации, борьба за то, чтобы дочери поступили на мехмат МГУ, включающая подачу апелляций. Следующие далее цитаты иллюстрируют восприятие этой борьбы как борьбы с государственным антисемитизмом, а не с МГУ или бытовым антисемитизмом:

Наше сопротивление было бы невозможным без **человеческой солидарности** в противостоянии государственной системе насилия и лжи, которая называлась советская власть.

Наше первое столкновение с антисемитизмом советской системы кончилось благополучно **не в силу нашей предприимчивости или изобретательности**, оно окончилось благополучно потому, что нам сочли необходимым помочь выдающиеся люди, умудренные огромным опытом, бывшие подлинными носителями человеческой доброты и порядочности.

Еще трое еврейских юношей были приняты на мехмат, и в каждом случае родители проявили **изобретательность и смелость**. В отдельных случаях эта борьба кончилась трагически, поскольку схватка была не с МГУ, а с государственной системой, опиравшейся на КГБ.

В 1986 году много нежелательных абитуриентов получили двойки за сочинение. В эту группу попал еще один выпускник школы № 57... Мама, работавшая на филологическом факультете МГУ, **постеснялась заступиться за собственного сына**.

Эти цитаты интересны тем, что позволяют оценить, какие именно ресурсы использовались для преодоления дискриминации. Это не только связи семьи, но и готовность, смелость идти против системы, активная позиция — мы можем отнести это к культурному капиталу. При этом готовность бороться против системы, проявляя предприимчивость, рассматривается как благодать, если она направлена на помощь другим (коллегам, ученикам) или своим детям.

На втором этапе анализа мы отобрали несколько дополнительных кейсов (из опубликованных на этом же интернет-портале) для более детального изучения опыта столкновения с дискриминацией. Период поступления в вузы соответствует первым трем кейсам — это 40-е и 50-е гг. Рассмотрим некоторые общие мотивы этих описаний.

Во-первых, в мемуарах мы встречаем описания того, как авторам «давали» или нет (справедливо или нет) золотую или серебряную медаль по окончании школы. Например, Мирон Амусья в мемуарах вспоминает, как незаслуженно лишился медали и объясняет это антисемитизмом:

Проблема с моей медалью была не только в национальности, которая стала усугубляющим фактором. Дело в том, что первым учеником был Е. Гарбер, юноша очень талантливый, к сожалению, умерший в 39 лет... Учителя в школе Гарбера ставили явно выше меня, а дать ему и мне медаль, т.е. двум евреям из небольшого класса, полагали невозможным. Они сделали выбор, пусть подловатый, в духе времени, но понятный.

Во-вторых, при описании своего опыта или опыта одноклассников, друзей авторы мемуаров указывают, что и с медалью абитуриенты-евреи сталкивались с трудностями, например, при прохождении собеседования (из мемуаров Владимира Бабицкого, описание собеседования для медалистов в МВТУ имени Баумана):

— Ну вот, как еврей, так заваливают, — произнес кто-то громко в холле. Я не поверил своим ушам. — Этого не может быть! Со мной же беседовали не дразнившие меня в детстве дворовые хулиганы, а преподаватели института и даже генералы. Ведь толь-

ко недавно закончилось полным разоблачением позорное анти-семитское дело врачей.

Я начал внимательно наблюдать за дальнейшим ходом событий. Сомнений не было. Каждый входивший медалист еврейской внешности, возвращался после затянувшегося собеседования, держа в руках документы. Остальные ребята принимались по закону, без всякого собеседования.

В-третьих, изучение источников показывает нам, что у абитуриентов и их семей был разный уровень осведомленности о возможной дискриминации: некоторые уже знали, куда «не берут», и выстраивали стратегии соответственно, другие сталкивались с явно дискриминирующим подходом на собеседовании или на экзаменах (как в последней цитате) или при подаче документов.

Пример первого варианта мы видим, например, в мемуарах Виталия Аронсона:

Школу я закончил в 1953 году... Медаль давала право поступить в любое высшее учебное заведение без экзаменов. Решения, куда поступить, у меня не было. Любил литературу, но понимал, что филологический факультет университета мне не доступен. Поэтому больше всего хотел в медицинский институт. Сказывалось влияние и авторитет мамы и мое частое пребывание в больницах. Медицинский вуз был тогда непрестижным: у врачей низкая зарплата (папа говорил: захочешь иметь семью, а как будешь жить на 600 рублей?) и после окончания института молодого врача ждала периферия, «тьма тараканья». Таковы были доводы родителей, поэтому обсуждалось также поступление в университет на исторический или химический факультеты. Однако и тут меня убедили в нереализуемости замысла: еврея в университет не возьмут, документы примут, а после собеседования найдут предлог отказать. В технический институт я идти не хотел. Благоволившие ко мне и уважаемые мною учителя поддержали родителей и рекомендовали идти учиться в технический вуз.

Как мы видим из этой цитаты, ограничения в приеме на определенные факультеты и вузы были известны семье (и, возможно, в школе) и учитывались как одно из основа-

ний для выбора вуза, наряду с престижностью профессии и склонностью самого молодого человека.

Иногда мемуары, однако, не дают возможности прояснить, знал ли абитуриент о возможной дискриминации заранее, столкнулся ли он с ней или нет: «По окончании школы в 1954 г., я поступал на геофак в МГУ, но, конечно, принят не был — мало того, что еврей, еще и отец с судимостью по 58-й статье (реабилитация бывших политических тогда еще только планировалась)» (из мемуаров Виктора Гиндилиса).

Наконец, на основе мемуаров мы можем определить некоторые стратегии, которые использовали абитуриенты и их семьи при поступлении в вузы: 1) поиск вуза, куда «берут» (например, Московский станкоинструментальный институт «Станкин», Московский энергетический институт); 2) переезд в другой город, возможно, поступление в менее престижный вуз; 3) обжалование результатов, передача экзаменов; 4) попытка добиться поступления в вуз с помощью административных методов, использование связей, взятка.

Про последнюю стратегию мы видим упоминания в мемуарах Мирона Амусьи, но они обычно не встречаются в описании своих собственных историй:

В то же время, препятствия для поступления евреев изредка удавалось преодолеть нелинейным способом. Мой знакомый с золотой медалью поступал в Военмех. Комиссия его отвергла, и его отец, обжалуя ее решение, пошел к директору на прием. Там он, человек из артельного мира, а потому совсем не бедный, положил без лишних разговоров директору на стол 10 000 рублей, сумму, заметно большую сегодняшнего российского миллиона. Директор деньги убрал в стол, а отец приятеля ушел с письменным указанием о зачислении его сына в ВУЗ. Двое моих знакомых поехали в ЦК ВЛКСМ, в Москву, и добились того, что ЛЭТИ вынуждено было их принять без каких-либо условий.

Подводя итог нашему анализу⁶, мы можем обозначить следующие выводы.

⁶ Важно отметить ограничения нашего исследования. В анализе использованы материалы, опубликованные на одном портале, авто-

Мы предполагали, что автобиографии и мемуары пишут те, кто достаточно успешно преодолел последствия дискриминации, чья образовательно-профессиональная траектория сложилась удачно. Действительно, можно выделить «триумфалистские» мемуары, в которых эпизоды дискриминации встраиваются в общую историю успеха, воспринимаются как трудности, которые были преодолены на пути к нему. Среди изученных мемуаров два кейса также скорее следует отнести к историям о построении успешной карьеры, несмотря на трудности, связанные с антисемитизмом. Можно сделать вывод, что истории тех, кто не смог относительно успешно преодолеть дискриминационные барьеры, сравнительно реже представлены.

Кроме того, можно выделить следующие «жанры», в которых построены описания жизни: «пробуждение еврейского самосознания» (кейс 2 и в значительной степени — кейс 1), «борьба с дискриминацией» (кейс 3). Кроме того, в историях, которые нельзя отнести к «триумфалистским», эпизоды столкновений с дискриминационными барьерами как при поступлении в вузы, так и в дальнейшей траектории, встраиваются в общий нарратив борьбы с системой/советской властью или в нарратив возрождения национального самосознания. Мы можем предположить, что возможен также вариант, когда дискриминация по национальному признаку имела место, но этот факт не используется для построения и презентации своей биографии, и, возможно, она не будет упомянута в мемуарах вовсе.

Наши выводы имеют интересное пересечение с выводами, сделанными по итогам крупномасштабного исследования, в котором было собрано порядка 500 интервью на разных континентах с представителями «первого советского еврейского» поколения [Shternshis 2017]. Согласно выводам Анны Штерншис, тип жизненного нарратива зависит от страны

рами приблизительного одного поколения. Для более полного исследования проблемы необходимо как расширение в направлении разнообразия источников, так и поиск мемуаров, относящихся к 1960–1970 гг.

проживания информанта, так как разные социально-культурные контексты влияют на рассказывание истории своей жизни. А. Штерншиш пишет, что только те информанты, выбрав профессии у которых пришлось на 1948–1953 гг. (период усиления антисемитизма), отчетливо помнят этот процесс, и выбор профессии почти всегда связан в историях с антисемитизмом [Shternshis 2017, 107–108]. Ограничения, о которых люди знали по слухам, часто влияли на выбор вуза и профессии.

Что касается использования автобиографий для изучения барьеров доступа к высшему образованию, то невозможно рассматривать эти эпизоды отдельно от остальной траектории, так как столкновение с барьерами могло произойти и после окончания вуза (например, при поступлении в аспирантуру или в процессе распределения). Автобиографии и мемуары могут дать информацию о механизме дискриминации, восприятии ситуации, но, возможно, не всегда являются надежным источником для изучения ресурсов преодоления дискриминации (см. кейс 1).

Выводы о ресурсах преодоления дискриминации касаются не только типа капитала, который, скорее всего, мог бы быть наиболее полезен (социальный капитал, то есть использование связей, блат), но и капитала, упоминания о котором пока почти не встречались нам в мемуарах в этом контексте, — капитала экономического (взятка при поступлении). Этот вопрос требует более детального изучения. Во-первых, этого действительно могло не быть, или оно появилось как механизм в более позднее время или в других регионах СССР. Во-вторых, возможна ситуация, что такая информация просто не будет включена в нарратив.

Источники

Заметки по еврейской истории – Заметки по еврейской истории. <http://berkovich-zametki.com>. Дата обращения: 12.10.2018 г.

Амусья – Амусья М. «Былое и думы» // Заметки по еврейской истории. <http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer2-3-amusja/>. Дата обращения 12.10.2018 г.

Аронзон – *Аронзон В.* Пробудим воспоминания (из книги «Без гнева и пристрастий») // Заметки по еврейской истории. <http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer7-varonzon/>. Дата обращения 12.10.2018 г.

Бабицкий – *Бабицкий В.* Дым отечества // Заметки по еврейской истории. www.berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer2/Babicky1.php. Дата обращения: 12.10.2018 г.

Воронель – *Воронель А.* Alma Mater // Заметки по еврейской истории. http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer11_12/Voronel1.php. Дата обращения 12.10.2018 г.

Воронель – *Воронель А.* Университет // Заметки по еврейской истории. <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Voronel1.php>. Дата обращения: 12.10.2018 г.

Гиндилис – *Гиндилис В.* В квартире на Горького и вне ее // Заметки по еврейской истории. <http://z.berkovich-zametki.com/2017-nomer11-12-vgindilis/>. Дата обращения 12.10.2018 г.

Замиховский – *Замиховский Б.* Как меня «клюнул жареный пух» // Заметки по еврейской истории <http://z.berkovich-zametki.com/2017-nomer5-6-zamihovsky>. Дата обращения: 12.10.2018 г.

Цаленко – *Цаленко М.* Эпизоды жизни // Заметки по еврейской истории. <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer9/Calenko1.php>. Дата обращения 12.10.2018 г.

Литература

Бурдые 2004 – *Бурдые П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М., 2004.

Сафонов, Наумов 2013 – *Сафонов А., Наумов И.* Ограничение прав еврейского населения Российской империи в доступе к высшему образованию в конце XIX — начале XX в. // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 36–41.

Френкель 2012 – *Френкель Э.* Математика и антисемитизм в Советском Союзе // Иносми.ру. 11 ноября 2012 г. <https://inosmi.ru/russia/20121111/202009718.html>. Дата обращения: 12.10.2018 г.

Konstantinov 2000 – *Konstantinov V.* The Socio-economic Structure of the Jewish Population of the USSR from the 1960s to the 1980s // Jews in Eastern Europe. 2000. № 3(43). P. 47–77.

Sacks 1998 – *Sacks M. P.* Privilege and Prejudice: The Occupations of Jews in Russia in 1989 // Slavic Review. 1998. № 57 (2). P. 247–266.

Shen 1994 – *Shen A.* Entrance Examinations to the Mekh-mat // Mathematical Intelligencer. 1994. Vol. 16. № 4. [Русская версия: <http://alexander-shen.narod.ru/vershik.pdf>].

Shternshis 2017 – *Shternshis A. When Sonia Met Boris: an Oral History of Jewish Life under Stalin*. New York, 2017.

Barriers in Access to Higher Education for Jews in the USSR: Study Based on Memoires

Valeriya Malik

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Doctoral student, ORCID ID: 0000-0001-9546-7815, Leading expert, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russian Federation, tel. +7 (495) 772 95 90, E-mail: vmalik@hse.ru

Summary: Jewish population of the USSR can be characterized by very high and growing level of tertiary education and high share of intellectual laborers. At the same time as it is evident from memoires Jews faced discrimination while applying to higher education as well as later in their professional trajectories. Many families had to adapt to this discrimination and to find ways to get access to higher education. Statistics is not enough to research this problem as level of education for Jews remained high despite discrimination. That is why we decide to explore memoires as a source for study of these discrimination barriers and recourses that helped people to cope with them. We chose cases from web site with Jewish memoires (<http://berkovich-zametki.com>) and in this paper we provide first results of analysis and hypothesis for further investigation. We found out that memoires are more likely to be written by those who managed to cope with difficulties and achieved success. Also we see that memoires are written in certain genres such as «rise of national consciousness» or «struggle for justice». Resources that helped to cope with discrimination mentioned in memoires are social and cultural capital (in terms in Bourdieu) and being ready to use them. We conclude that drawbacks of memoires for our study is that we cannot isolate barriers in access to education from further barriers in carrier pathways, and memoires are not sufficient to understand the resources which helped to cope with discrimination.

Keywords: *Jews, USSR, education*

References:

Bourdieu P. *Formy kapitala // Zapadnaia ekonomicheskaia sotsiologiia: khrestomatiia sovremennoi klassiki*. Moscow, 2004.

Frenkel E. *Matematika i antisemitizm v Sovetskom Soiuze // Inosmi.ru*. 2012.11.11; url: <https://inosmi.ru/russia/20121111/202009718.html>

Konstantinov V. *The Socio-economic Structure of the Jewish Population of the USSR from the 1960s to the 1980s // Jews in Eastern Europe*. 2000. No. 3(43). P. 47–77.

Sacks M. P. *Privilege and Prejudice: The Occupations of Jews in Russia in 1989 // Slavic Review*. 1998. No. 57(2). P. 247–266.

Safonov A., Naumov I. *Ogranichenie prav evreiskogo naseleniia Rossiiskoi imperii v dostupe k vysshemu obrazovaniu v kontse XIX — nachale XX v. // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. 2013. No. 3. P. 36–41.

Shen A. *Entrance Examinations to the Mekh-mat // Mathematical Intelligencer*. 1994. Vol. 16. № 4.

Shternshis A. *When Sonia Met Boris: an Oral History of Jewish Life under Stalin*. New York, 2017.